

30 руб. в том. — 1993. — 17-23 сент. (№38). — С. 22.

Божественная Монтсеррат на сцене и в жизни

Эва РУДЖИЕРИ

«ФИГАРО МАГАЗИН», ПАРИЖ.

УСПЕХУ благотворительного вечера, устроенного Исследовательским центром сердечно-сосудистых заболеваний в пользу больных детей, способствовали две женщины — его председательницы. Они пользуются огромной известностью благодаря присущим им сердечности, доброте и великодушию.

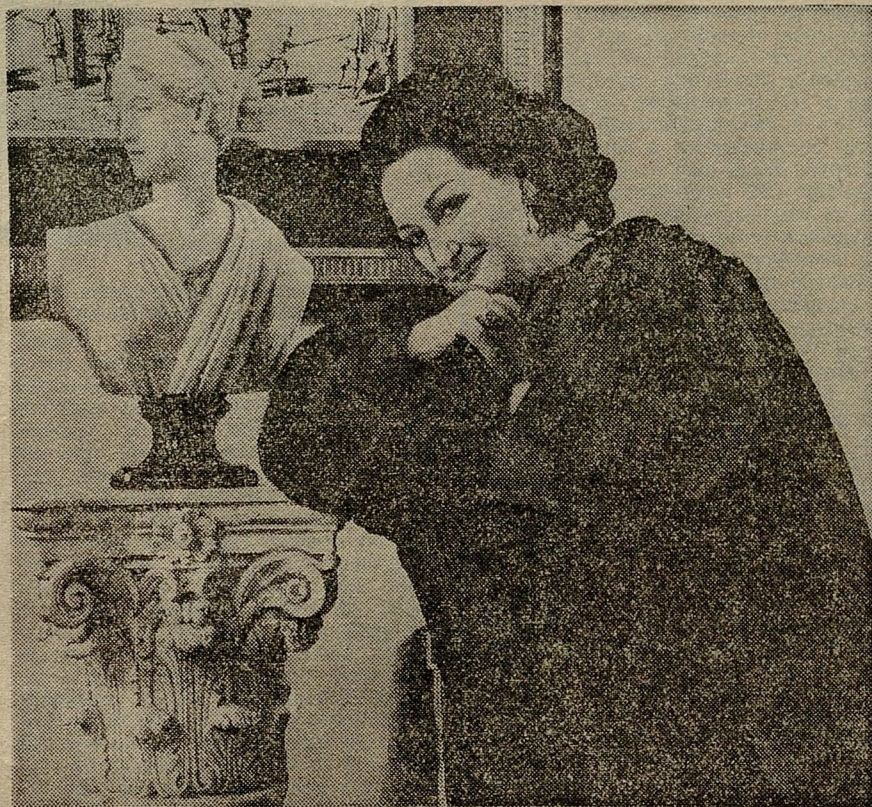
Одна из них — Ее Величество королева Испании София. Другая царит в мире музыки. Это Монтсеррат Кабалье — певица, обладающая чарующим, неземным по красоте голосом.

История Кабалье начинается в тот момент, когда сердце ее отца готово вот-вот остановиться. Девочке всего двенадцать лет, но у нее уже этот «ангельский голос», который много, много лет спустя принесет ей славу. А теперь настало трудное время, она вынуждена бросить школу и пойти работать на фабрику носовых платков. К счастью, одна богатая семья меценатов берет на себя заботы о семействе Кабалье и о будущем маленькой девочки с таким красивым голосом.

Монтсеррат Кабалье вспоминает: «В Каталонии было много бедняков. Папа серьезно болел, и все члены семьи должны были зарабатывать на жизнь. Я пошла на фабрику носовых платков. Теперь, спустя много лет, я вижу, что приносила домой жалкие гроши, но делала это с большой надеждой.

В это время мы и познакомились с семьей Бертранов, — продолжает она. — Это были люди исключительные. Они взяли на себя расходы по госпитализации отца, платили за мое обучение пению, определили брата в хорошую школу. Для нас это было просто чудом. Некоторые говорят — судьба... А для меня это было скорее откровением. Я очень четко увидела путь, по которому надо следовать в своей жизни».

Спустя двадцать лет, в тот памятный вечер в Карнеги-холл, весь зал в едином порыве встал, устроив овацию ее Лукреции Борджа в опере Доницетти. Почти никому не известная певица, заменившая в тот вечер знаменитую Мэрилин Хорн, стала восхитительной Кабалье!

По прошествии многих лет Монтсеррат с едва скрываемым волнением поведала мне то, о чем никому никогда не говорила, храня как нечто самое сокровенное. В тот памятный вечер, когда она вернулась поздно ночью в гостиницу, ей позвонили по телефону. Какая-то женщина обратилась к ней по-английски, но так как Монтсеррат ничего не понимала, та перешла на итальянский. «Я — Мэрилин Хорн, — сказала она. — Меня никто не видел, но я только что слушала вас и хочу сказать, как я рада, что в этот вечер потеряла голос, потому что мне выпал случай услышать Лукрецию Борджа, как я ее никогда не цела и никогда не спою. Если вы будете продолжать так и дальше, то станете первой певицей в мире!»

Так петь и дальше, напряженно и постоянно работать, чтобы в совершенстве овладеть этим изумительным му-

зыкальным инструментом — арфой голосовых связок, которая делает певцов одновременно полубогами и рабами... Кабалье уже знала, что это значит.

Между уроками пения и оперной сценой прошло двадцать лет напряженного труда и надежд. Двадцать лет упражнений без передышки, с тем чтобы как никто другой уметь владеть дыханием и дать нам возможность слышать эти невероятные по высоте звуки, при которых публика буквально замирает от восторга.

«И как только она со всем справляется?» — со вздохом говорил о своей дочери во время первой нашей встречи ее отец.

Действительно, как ей удастся в 40-градусную жару летать из Орана в Барселону, из Барселоны в Лондон или Нью-Йорк... и при этом находить время для пикников со своими детьми,

с семьей, с обездоленными, которым она предоставляет возможность отдыхать в своем загородном доме. Она поет для них. Ради них проявляет столько энтузиазма. «Потрясающе! — восклицает она. — Для нашего фонда удалось купить на двадцать кроватей больше. Он все растет. Как хорошо!»

Кто все это делает? Конечно же, она, Монтсеррат, но никто не слышал, чтобы она сказала: «Я сделала» или «Мне удалось». Великолепная Монтсеррат все еще с дрожью вспоминает о второй драме своей жизни. «Да, это было испытание, — рассказывает она. Ее сын лежал в коматозном состоянии. Казалось, все кончено. Оставалось только ждать и молиться. Они с мужем молились три дня и три ночи. — Мы очень верили в силу молитвы. По дороге в Сантьяго на высоте 2 тысяч метров над уровнем моря есть часовня, посвященная Пресвятой Деве Марии. Мы просили об одном — чтобы он больше не страдал».

Неизвестный молодой врач, используя новые методы лечения, спас ее сына. И сегодня в конце дороги, ведущей от дома Кабалье на вершину невысокого холма, стоит часовня. «Ее построили, потому что надо уметь помнить такое и быть благодарным», — говорит певица.

Властный, а потом вдруг брызжущий смехом взгляд; внушительный и вместе легкий, подвижной силуэт; глуховатый от усталости, а потом вдруг чистый, какой-то переливающийся голос. Более чем к кому-либо еще к Монтсеррат применим девиз Вольтера: «Моя жизнь — это сражение».

Какое незабываемое зрелище являет собой Кабалье, когда стоит на сцене перед залом, аплодирующим ее Норме, Семирамиде или Турандот... Какое благородство излучает ее прекрасное, открытое лицо. И каким оно становится суровым, когда какой-нибудь неосторожный журналист, поработав локтями, оказывается впереди «ее» публики. Как оно трогательно, когда певица вспоминает о своих долгих телефонных разговорах с Марией Каллас. «Мне так многому надо было научиться у нее, — рассказывает она. — Каллас была уникальна. Сердце, ум, музыкальность — она обладала всем. Когда в 1970 году я сказала, что хочу петь Норму, она ответила: «Да, обязательно. Ты это можешь, это как раз для твоего голоса. Но не слушай мою запись, просто возьми партию, и все». Кабалье так и поступила: закрыв глаза во время знаменитой молитвы, думала только о красоте мелодии.

Но Монтсеррат не только блистательная оперная дива, но и женщина, которая никогда не забывает — ни тех, кто ей помогал, ни тех, кто ее предал... Такого человека хотелось бы иметь другом на трудном жизненном пути.